

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-38-42

«Осенняя» любовь хулигана: анализ стихотворения**С. А. Есенина «Пускай ты выпита другим...»**

(К 125-летию со дня рождения)

Елена Александровна Фролова*Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия,**e-mail: frojlen@yandex.ru*

В статье рассматривается стихотворение С. А. Есенина «Пускай ты выпита другим...», вошедшее в цикл «Любовь хулигана». Ставя перед собой цель определить место «осенних» мотивов в любовной лирике поэта, автор статьи стремится охарактеризовать место данного стихотворения в творчестве художника слова начала XX в. Автор проводит лингвостилистический анализ текста, использует метод сопоставительного анализа произведений и прием ассоциативных связей. В статье показана трансформация любовной лирики в творчестве С. Есенина, связь стихотворения с циклом «Москва кабацкая» и последующими произведениями поэта. Автор акцентирует внимание на языковых средствах реализации внутреннего «я» лирического героя и его связи с образом возлюбленной и окружающим миром. В статье сделан вывод о значимости стихотворения «Пускай ты выпита другим...» в творчестве С. Есенина, показано, что осень жизни поэт воспринимает как переломный момент, связанный с обретением ясности миропонимания, приходом спокойной, но грустной мудрости.

Ключевые слова: *С. Есенин; А. Миклашевская; любовная лирика; осень жизни; метафора; эпитет; сравнение; видовременная соотносительность глагольных форм*

Ссылка для цитирования: *Фролова Е. А. «Осенняя» любовь хулигана: анализ стихотворения С. А. Есенина «Пускай ты выпита другим...» (К 125-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 38–42. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-38-42.*

Hooligan's «Autumn» Love: Analysis of S. A. Yesenin's Poem**«You Have Been Used by Someone Else...»**

(To the 125th Anniversary of the Birth)

Elena A. Frolova*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,**e-mail: frojlen@yandex.ru*

The article considers the poem by S. A. Yesenin «You have been used by someone else ...», which was included in the «Hooligans's Love» cycle. In an attempt to determine the place of autumn motives in the poet's love lyrics, the author of the article seeks to characterize the place of this poem in the poet's work in the early 20th century. The author carries out a linguostylistic analysis of the text using the methods of comparative and associative analysis. The article shows the transformation of love lyrics in Yesenin's work, the relationship of the poem with the «Tavern Moscow» cycle and his subsequent works. The author focuses on the linguistic means of realizing the inner self of the lyrical hero and his connection with the image of his beloved and the world around him. The article draws a conclusion about the significance of the poem «You have been used by someone else ...» in Yesenin's creative work; it is shown that the poet perceives the autumn of life as a turning point associated with gaining clarity in understanding of the world, the advent of calm, but sad wisdom.

Keywords: *S. Yesenin; A. Miklashevskaya; love lyrics; autumn of life; metaphor; epithet; comparison; tense-aspect correlation of verb forms*

A reference for citation: *Frolova E. A. Hooligan's «autumn» love: analysis of S. A. Yesenin's poem «You have been used by someone else...» (To the 125th anniversary of the birth). In *Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]*. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 38–42. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-38-42.*

Я сердцем никогда не лгу...

С. А. Есенин

Творчество С. А. Есенина (1895–1925) не раз становилось предметом пристального изучения литературоведов, критиков, филологов. Сергей Есенин — «крестьянский» поэт,

поэт-песенник, поэт-хулиган... Эти и многие другие определения стали постоянными эпитетами-характеристиками известного мастера слова начала XX в. (см. литературу о поэте

советского и постсоветского периодов). Исследователи рассматривали процесс формирования личности С. Есенина [Эвентов 1987]; пытались реконструировать обстоятельства жизненного и творческого пути поэта [Марченко 2012]; обращали внимание на связь его творчества с устной народной поэзией [Прокушев 1986]; анализировали систему художественных приемов в лирике С. Есенина, устанавливали ее своеобразие на основе сопоставления с произведениями А. Блока, И. Бунина, К. Бальмонта, В. Маяковского, А. Ахматовой, Б. Пастернака, Н. Заболоцкого и других представителей русской поэзии XX в. [Бельская 1990; Марченко 1989; Жуков 2012]; изучали творчество С. Есенина в контексте традиций русской, западноевропейской и восточной литературы [Шубникова-Гусева 2012]; определяли роль творчества С. Есенина в жизни послереволюционной России [Занковская 1997]; открывали неизвестные материалы о его жизни и творчестве [Шубникова-Гусева 1995; Юсов 2012] и т. д.

В данной статье основное внимание сконцентрировано на одном лирическом произведении поэта — стихотворении, входящем в цикл «Любовь хулигана» (1923) и занимающем в нем центральную позицию. Цель — определить место «осенних» мотивов в любовной лирике С. А. Есенина и роль стихотворения «Пускай ты выпита другим...» в творческом наследии поэта.

Для достижения указанной цели в статье используются сопоставительный метод и лингвостилистический анализ языковых средств стихотворного текста.

Любовная лирика С. Есенина неоднородна на протяжении творческого пути поэта. В ранний период стихи о любви стилизованы под народно-поэтическое восприятие женской красоты и неразрывно связаны с миром природы:

Зашумели над затоном тростники.
Плачет девушка-царевна у реки.
Погадала красна девица в семик.
Расплела волна венки из повлики.
Ах, не выйти в жены девушке весной,
Запугал ее приметам лесной...
(«Зашумели над затоном тростники...»)¹

Стихи о любви, написанные в 1918–1919 гг., продолжают любовно-пейзажную лирику поэта, в которой, однако, уже проявляется специфика есенинских образов, метафорически раскрывающих чистоту и высокую духовность этого чувства:

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?
Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?..
(«Зеленая прическа...»)

«Москва кабацкая» — новый этап в развитии любовной темы. Сборник стихов с одноименным названием, вышедший в 1924 г., состоял из четырех разделов: «Стихи как вступление к Москве кабацкой», «Москва кабацкая», «Любовь хулигана» и «Стихотворение как заключение».

В «Москве кабацкой» интонации С. Есенина резко меняются. На место поэта-лирика приходит поэт-скандалист, воспринимающий потрясения внешнего мира как крушение собственной души:

Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт..

Однако цикл «Любовь хулигана» — это возвращение поэта к своим истокам, обретение самого себя. Цикл включает 7 стихотворений, написанных в 1923 г.: «Заметался пожар голубой...», «Ты такая ж простая, как все...», «Пускай ты выпита другим...», «Дорогая, сядем рядом...», «Мне грустно на тебя смотреть...», «Ты прохладой меня не мучай...», «Вечер черные брови насопил...». Все они посвящены актрисе Московского камерного театра Августе Миклашевской, с которой Есенин познакомился по возвращении из-за границы. Любовь к этой женщине стала целительным средством для сломанной и опустошенной души поэта, вернула ему веру в силу творчества и возможность возрождения.

«Любовь хулигана» следует за «Москвой кабацкой» и сохраняет ее отзвуки. Уже в первой строке стихотворения «Пускай ты выпита другим...» появляется глагольная форма *выпита*. Краткое страдательное

¹ Здесь и далее стихотворения С. А. Есенина цит. по: Есенин С. Стихотворения и поэмы. — М., 1975.

причастие прошедшего времени содержит сему 'употребить спиртное', составляющую ядро 2-го и 3-го значений инфинитива *выпить*. Одновременно данный глагол входит в устойчивый образный оборот *выпить горькую чашу* (до дна) со значением «испытать, перенести страдания или жизненные испытания в полной мере, до конца». Подразумевается, что кто-л. достойно претерпел все невзгоды, которые выпали на его долю (часто — в связи с какими-л. трагическими событиями истории). Имеется в виду, что лицо... перенесло или готово терпеливо и смиренно перенести в грядущем все тяготы жизни»².

Н. А. Николина пишет: «Если понимать время как способ отображения реальности, то прошедшее время, обозначающее процесс, который уже перестал быть реальным, естественно, может использоваться для выражения тех или иных авторских оценок и быть связано с актуализацией определенной точки зрения» [Николина 2005: 178].

По утверждению Н. С. Поспелова, именно перфектное³ значение позволяет говорящему выразить субъективное отношение к прошлому. Благодаря тому что прошлое присутствует в настоящем как совершившийся результат, говорящий неизбежно выражает к нему свое отношение, а не ограничивается только объективной передачей этого прошлого [Поспелов 1990: 70].

Таким образом, полисемантическая глагольная форма становится средством отражения жизненных перипетий автора стихотворения, реализует «я» поэта, одновременно выступая связующим звеном между лирическим героем и адресатом текста. Обозначая законченность действия, форма совершенного вида краткого причастия позволяет подвести своеобразный итог этапа в судьбе и творчестве С. Есенина.

² Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. — М., 2006.

³ «ПЕРФЕКТ [лат. *perfectum* совершенное]. Форма глагола, обозначающая, что действие завершилось в прошлом, а результат действия длится в настоящем; в греч., латинском, санскрите, английском и некоторых др. языках форма глагола, обозначающая действие, которое завершилось к моменту речи». (*Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. — Назрань, 2010. — С. 261).

При этом итог у поэта не значит конец: *Но мне осталось, мне осталось...* Так возникает мотив надежды, ассоциирующийся с осенью.

Для С. Есенина осень — особый период, время зрелой мудрости:

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком...
(«Отговорила роща золотая...»);
Закружилась листва золотая
В розовой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду...
(«Закружилась листва золотая...»);
Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою режет
Воду синюю солнца соха...
(«Хорошо под осеннюю свежесть...»).

Поэт родился 21 сентября (3 октября); его фамилия сохраняет старославянские фонетические признаки этимологически родственного слова *осень*: «употребление начального сочетания [je] в соответствии с гласным [o], характерным для восточнославянских языков: ст.-слав. ѣдинь, ѣзеро... бол. един, езеро, елен, есен; пол. jeden, jezioro, jelen, jesen; чеш. jeden, jezero, jelen... Ср. рус. один, озеро, олень, осень» [Елкина 1960: 12].

В одном из неустановленных произведений С. А. Есенин писал: «Фамилия моя древнерусская — Есенин. Если перевести ее на сегодняшний портовый язык и выискать корень, то это будет — осень.

Осень! Осень! Я кровью люблю это слово. Это слово — мое имя и моя любовь» (цит. по: [Шубникова-Гусева 1995: 183]).

«Осенний» поэт видит в этом времени года не только период подведения итогов (крестьянин по происхождению, Есенин неизбежно воспринимал осень как этап завершения весенне-летних работ, сбора урожая в прямом и переносном смысле), но и начало перемен (рождение как начало новой жизни, возможно, вечной). Эти два мотива — прощание и возрождение — соединяются в тексте стихотворения «Пускай ты выпита другим...».

Картина осени создается с помощью нетрадиционных, а потому ярких эпитетов и метафор. Поэт говорит о стеклянном

дыме волос возлюбленной (вспомним стихотворение Ф. И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...», в котором «весь лес стоит как бы хрустальный»). Прозрачность осеннего воздуха ассоциируется с дымкой волос у Есенина. А вот перед читателем уже прямое и устойчивое определение-характеристика: *И глаз осенняя усталость* — как средство номинации состояния лирических героев.

Перифраз *возраст осени* в устах поэта, не достигшего тридцатилетия, — свидетельство зрелости его души. Автор противопоставляет осень жизни периоду *юности и лета*. Сравнительная конструкция усиливает семантику контекстуальной антонимии. Образ возлюбленной заставляет поэта заглянуть в себя, чтобы подвести черту под пройденным и наметить путь в будущее:

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Мотив прощания вербально реализован. При этом в стихотворении происходит смена временных пластов, подготовленная включением во второе четверостишие составного глагольного сказуемого *стала нравиться*, в котором фазисный вспомогательный глагол передает начало процесса, закономерно реализующегося в настоящем. Если в первых двух четверостишиях используются формы прошедшего времени совершенного вида, то в третьей строфе поэт вводит глагольные формы 1-го лица настоящего времени. Тем самым автор акцентирует внимание читателей на внутреннем мире лирического героя, что усиливается параллельной сменой субъектов описания: на место местоименных форм *твоих, ты* встает повторяющееся *я*.

В следующем четверостишии происходит формальное самоотстранение героя: он как бы смотрит на себя со стороны, оценивая свое состояние (вновь возникает переключка с «Москвой кабацкой»):

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

В данной строфе происходит объединение разных глагольных форм, что обусловлено актуализацией мотива подведения

итогов. Инфинитив расширяет свой функционал за счет дополнительной императивной семантики (приказ самому себе?), совершенная форма раскрывает причину отказа от прошлого, а действительное причастие настоящего времени, в значении которого переплелись прямая и переносная семы ('делать трезвым' и 'возвращать к здравому пониманию окружающего'), позволяет реалистично увидеть настоящее.

Далее «я» возвращается, но уже с целью выразить планы на будущее. Метафорическое олицетворение нового жизненного этапа (*И мне в окошко постучал / Сентябрь багряной веткой ивы...*) связано у поэта с видовой сменой глагольных форм: *постучал* — *встречал*. Фонетическая близость конечных отрезков слов — звуковая эпифора — способствует сближению семантики глаголов, между которыми устанавливаются причинно-следственные отношения. Смена видовременных форм обуславливает усиление градационных модальных отношений, выражающих психологизм лирического героя: *могу* — *готов*.

В шестом четверостишии автор выходит за пределы внутреннего «я» героя, пытаясь определить его место в окружающем мире:

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными — кладбища и хаты.

Настоящее реализуется уже не только с помощью глагольных форм, но и временного наречия *теперь*, также противостоящего миру прошлого, от которого отказывается лирический герой С. Есенина.

Лексема *кладбище* вводит в содержание стихотворения мотив смерти, который станет превалирующим в последний период творчества поэта (см. стихи «Мы теперь уходим понемногу...», «До свиданья, друг мой, до свиданья...» и др., поэму «Черный человек»). Смерть — переход в безграничное вечное. Окружающий мир расширяется до бесконечности за счет пространственной неопределенности наречий: *...там ли, здесь ли, где-то ль...* — далеко — близко — неизвестно где.

Опять появляется прозрачность настоящего, которая теперь воспринимается как призрачность: *Прозрачно я смотрю вокруг...* Утвердительные *могу* и *готов* сменяются сослагательным *мог бы*.

В последнем четверостишии окружающий мир вновь сужается до образа возлюбленной, единственно способной (или это тоже мираж, ведь в предшествующей строфе ее место в жизни лирического героя четко не определено: сестра, друг, спутница?) стать спасением для поэта. Заключительная строфа — своеобразное подведение итогов и взгляд в возможное будущее (возможное ли?). Уходящее хулиганство как итог и сумеречные дороги как перспектива намечают новый путь, но не делают его ясным, поскольку нельзя постичь дорогу в вечность.

Таким образом, стихотворение «Пускай ты выпита другим...» занимает значимое место в любовной лирике С. Есенина и в целом в его творчестве. В нем, как на перепутье множества дорог, соединились разные поэтические мотивы и образы, причем не только уже прозвучавшие, но и грядущие. В стихотворении происходит слияние внешнего и внутреннего миров, получает воплощение поэтическое «я». Осень жизни воспринимается как переломный момент, когда приходит ясность миропонимания, спокойная, но грустная мудрость.

ЛИТЕРАТУРА

- Бельская Л. Л.* Песенное слово. Поэтическое мастерство Сергея Есенина. — М., 1990.
- Ёлкина Н. М.* Старославянский язык: учеб. пособие для студ. филол. фак-тов пед. ин-тов. — М., 1960.
- Жуков Б.* Золототканое цветенье (О поэтике С. Есенина). — Нижний Новгород, 2012.
- Занковская Л. В.* Новый Есенин. Жизнь и творчество поэта без купюр и идеологии. — М., 1997.
- Марченко А.* Поэтический мир Есенина. — М., 1989.
- Марченко А.* Есенин. Путь и беспутье. — М., 2012.
- Николина Н. А.* Категория времени глагола // Поэтическая грамматика / отв. ред. Е. В. Крайильникова. — М., 2005. — Т. 1. — С. 73–188.

Поспелов Н. С. Мысли о русской грамматике. — М., 1990.

Прокушев Ю. Сергей Есенин: образ-стихи-эпоха. — М., 1986.

Шубникова-Гусева Н. И. «Объединяет звуком русской песни...»: Есенин и мировая литература. — М., 2012.

Шубникова-Гусева Н. И. Сергей Есенин: неизвестные материалы // Человек. — М., 1995. — № 5. — С. 182–188.

Эвентов И. С. Сергей Есенин. — М., 1987.

Юсов Н. Г. Известный и неизвестный Есенин. — М., 2012.

REFERENCES

- Belskaya L. L.* Song word. Poetic mastery of Sergey Yesenin. Moscow, 1990. (In Rus.)
- Elkina N. M.* Old Slavonic language: textbook. Moscow, 1960. (In Rus.)
- Zhukov B.* Golden-woven bloom (On the poetics of S. Eсенин). Nizhny Novgorod, 2012. (In Rus.)
- Zankovskaya L. V.* New Yesenin. The life and work of the poet without cuts and ideology. Moscow, 1997. (In Rus.)
- Marchenko A.* The Poetic World of Yesenin. Moscow, 1989. (In Rus.)
- Marchenko A.* Yesenin. Way and confusion. Moscow, 2012. (In Rus.)
- Nikolina N. A.* Category of tense of the verb. In *Poeticheskaya grammatika [Poetical grammar]*. E. V. Krasilnikova (ed). Moscow, 2005, vol. 1, pp. 73–188. (In Rus.)
- Pospelov N. S.* Thoughts on Russian grammar. Moscow, 1990. (In Rus.)
- Prokushev Yu.* Sergey Yesenin: image-verses-era. Moscow, 1986. (In Rus.)
- Shubnikova-Guseva N. I.* «Unites the sound of the Russian song ...»: Yesenin and world literature. Moscow, 2012. (In Rus.)
- Shubnikova-Guseva N. I.* Sergey Yesenin: unknown materials. In *Chelovek [Man]*. Moscow, 1995, No. 5, pp. 182–188. (In Rus.)
- Ehventov I. S.* Sergey Yesenin. Moscow, 1987. (In Rus.)
- Yusov N. G.* Famous and unknown Yesenin. Moscow, 2012. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Александровна Фролова, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет; ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, г. Москва, 119435, Россия

Elena A. Frolova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; 1/1 M. Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russia